

9. Dashkevich L. A., Safronova A. M. Mining school in Russia (the XVIII – the first half of the XIX centuries). *Metallurgical Works and Peasantry: Problems of Social Organization of Industry in Russia and Sweden in Early Industrial Period: Collection of Scientific Papers*. Yekaterinburg : Nauka, 1992. pp. 87–94.
10. Safronova A. M. V. N. Tatishchev's project on opening of schools at private works and its materialization in the Ural. *Document. Archive. History. Modernity : Collection of Scientific Papers*. Yekaterinburg : Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2006. Vol. 6. pp. 97–138.
11. Pavlenko N. I. History of Metallurgy in Russia of the 18th Century. Factories and Factory Owners. Moscow : Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1953. 536 p.
12. Bykonya G. F. Settlement of the Russians in the Yenisey Area in the 18th Century. Novosibirsk : Nauka, 1981. 248 p.
13. Timoshenko S. P. Engineering Education in Russia. New York : McGraw-Hill, 1959. 48 p.
14. Shaydurov V. N. Vocational education of personnel for the Kolyvan–Voskresensk (Altai) works in the second half of the 18th–first half of the 19th centuries. *History of Mining in Russia in the 18th–20th Centuries : Collection of Scientific Papers*. Saint-Petersburg : Izdatelstvo Nevskogo instituta yazyka i kultury, 2012. Vol. 2. pp. 26–36.
15. Babarykin B. V. The private schools in the Altai Mining District in the second half of the 19th–early 20th centuries. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. No. 4-1(80). pp. 106–109.
16. Pozina L. T. Mining schools in Southern Russia in the 19th century: Formation and development. *History of Mining in Russia in the 18th–20th Centuries : Collection of Scientific Papers*. Saint-Petersburg : Izdatelstvo Nevskogo instituta yazyka i kultury, 2012. Vol. 2. pp. 77–91.
17. Transactions of the 7th Convention of Mining Industrialists in the Ural Mining Region, Held on 15–20 January 1899 in Yekaterinburg: Minute-Books, Proceedings of the Convention Council and Elected Committees, Reports and Deliverables. Yekaterinburg : Tipografiya V. N., Alekseeva, P. N. Galkina i K^o, 1899. 314 p.
18. Historical Review of the 50 Years-Long Performance of the Ministry of Government Property. 1837–1887. Saint-Petersburg : Parovaya skoropechatnaya Yablonskiy i Perott, 1888. Vol. V. Mining. 296 p.
19. Governmental prescriptions. *Tekhnicheskoe obrazovanie*. 1903. No. 2. p. 1.
20. Charter of the Vagner's School of Foremen. *Gornozavodskoy listok*. 1908. No. 105. p. 10685.
21. Materials on Issue of Primary Mining Training Establishments in the Ural. Saint-Petersburg : Tipografiya G. I. Zarkhi, 1905. 72 p.
22. The 20th Convention of Mining Industrialists of the Ural. *Gornozavodskoe delo*. 1915. No. 11-12. p. 10687.
23. Mevius A. F. Establishment of the second Mining Institute. *Gornozavodskoy listok*. 1896. No. 4. p. 2476.
24. Opening of new mine foremen schools and technical census for employees of foreign-owned mining plants. *Gornozavodskoy listok*. 1897. No. 2. p. 2804.
25. Occupational Groups and Professional Communities as Actors of the Russian Late-Imperial Modernization (Ural in the Second Half of the 19th–Early 20th Centuries). Yekaterinburg : Bank kulturnoy informatsii, 2016. 148 p.
26. Chronicle of trading and industrial life and press. *Gornozavodskoe delo*. 1915. No. 20. p. 11067.
27. Brylkin D. M. Mining schools in Germany and France. *Gornyi Zhurnal*. 1892. Vol. 4. pp. 122–193.
28. Yachevskiy L. Statistics on primary and secondary mining education. *Gornyi Zhurnal*. 1911. No. 7. pp. 110–114.

УДК 651.75:622(091)

ПЕРЕПИСКА В. Ю. СОЙМОНОВА С Н. Р. МАМЫШЕВЫМ (1823–1825 гг.) В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ РАЗВИТИЯ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

С. В. ГОЛИКОВА,
ведущий научный сотрудник, д-р ист. наук,
avokilog@mail.ru

Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Введение

К концу первой четверти XIX в. выяснилось, что Россия богата не только железом и медью, но и благородными металлами. Превращение ее в одну из основных стран — добытчиков золота происходило в процессе решения нескольких проблем: удовлетворения возрастающего спроса со стороны государства на драгоценные металлы, становления золотодобычи в качестве важнейшей отрасли народного хозяйства и развития исследований минерально-сырьевой базы. Такой

Рассказано о деловой переписке видных горных деятелей — сенатора, Берг-инспектора Московского горного правления В. Ю. Соймонова и управляющего Гороблагодатским горным округом Н. Р. Мамышева, охватывающей период 1823–1825 гг. и ставшей продолжением их совместной работы во «Временной Екатеринбургской горной комиссии», призванной содействовать развитию золотопромышленности Урала. Корреспонденты уделяли внимание организации изыскательских партий и экспериментам с таким приемом разведки, как бурение, дискутировали о строении и богатстве минерально-сырьевой базы Урала. Обсуждение ими событий, затрагивавших профессиональную честь, и проявлений патерналистского отношения к подчиненным свидетельствовали о консолидации горной корпорации. Переписка также ярко отразила характер и личные качества корреспондентов, дополняя новыми нюансами известные сведения о них.

Ключевые слова: Урал, 1823–1825 гг., В. Ю. Соймонов, Н. Р. Мамышев, эпистолярное наследие, золотодобывающая промышленность, горная корпорация

DOI: 10.17580/gzh.2025.07.13

Владимир Юрьевич Соймонов (1772–1825)

(изображение взято из Википедии, публикуется по свободной лицензии: https://ru.wikipedia.org/wiki/Соймонов,_Владимир_Юрьевич)

Николай Родионович Мамышев (1777–1840)

(изображение взято из Википедии, публикуется по свободной лицензии: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мамышев,_Николай_Родионович)

комплексный (финансовый, экономический, научный) подход ярче всего воплотился в создании особого учреждения – «Временной Екатеринбургской горной комиссии» в 1823 г. В ее функции входило: «распространение открытий и умножение разработки золотосодержащих песков»; проведение «методических разведок»; создание «правил к отвращению злоупотреблений и препятствий, кои могут быть поставлены полному успеху сего дела неведением или злонамерением» [1, с. 263–264]. Переписку главы комиссии – сенатора, Берг-инспектора Московского горного правления Владимира Юрьевича Соймонова с ее членом – управляющим Гороблагоугодским горным округом, обер-бергмейстером Николаем Родионовичем Мамышевым в 1823–1825 гг. следует рассматривать продолжением их совместной работы в этой комиссии.

Цель данной статьи – изучение содержания их писем в контексте вопросов становления золотого промысла на Урале и других актуальных тем.

Действия временной комиссии в апреле – ноябре 1823 г. рассматривались только в статье А. В. Шилова [2]. Остальная историография посвящена формальным и отдаленным последствиям ее создания: увеличению добычи золота и разведок его месторождений, принятию нормативно-методической документации («Инструкции горным партиям для геогностического описания хребта Уральского и для прискания руд и золотосодержащих россыпей»), инициации законодательных актов (сенатский указ «О распространении открытий и умножений золотых песков» от 9 сентября

1824 г.) [3, с. 56–58; 4, с. 143–151; 5, с. 53; 6, с. 16; 7, с. 27]. Введение в научный оборот переписки Соймонова и Мамышева, несомненно, будет способствовать дальнейшему изучению деятельности комиссии, представит непосредственные ее результаты для недропользования в крае, причем отраженные не в сухом делопроизводстве, а в частных письмах (следовательно, показанные через эмоции и поступки людей).

Характеристика писем и контекст их появления

Письма сенатора и управляющего частично сохранились в личном фонде Н. Р. Мамышева Государственного архива Свердловской области. Фонд возник из документов, переданных туда в 1948 г. из Российского государственного архива литературы и искусства (обер-бергмейстер занимался литературным творчеством и известен как автор повестей)*.

Итак, во временную комиссию Мамышев вошел по долгу службы, наряду с двумя другими начальниками казенных горных округов. С ее руководителем, В. Ю. Соймоновым, он был знаком ранее: судя по переписке, с 1817 г. Однако можно предположить, что знакомство корреспондентов состоялось еще в годы учебы обоих в Горном училище, хотя Соймонов был старше и окончил курс в 1790 г. Шанс возобновить или завести знакомство им дала и командировка последнего 1797–1798 гг. в Верхотурский уезд Пермской губернии для розыска месторождений меди [1, с. 262–263]. Мамышев к этому времени уже окончил училище и служил

* Семь писем Мамышева атрибутированы полностью: он писал на Кушвинском заводе 15 февраля, 14 и 28 ноября 1824 г., 6 января, 5, 19 и 27 февраля 1825 г. Из пяти писем В. Ю. Соймонова – три имеют точную датировку: от 12 ноября 1823 г. из Казани (где он, направляясь в столицу для доклада Александру I, останавливался, чтобы временно передать вице-губернатору свои полномочия главы Казанской губернии), от 29 октября 1824 г. из Москвы и от 7 января 1825 г. из Санкт-Петербурга, куда его вызвали на аудиенцию к императору. У двух писем год написания не указан. По косвенным данным, можно предполагать, что письмо от 27 сентября, отправленное из Екатеринбурга, следует датировать 1823 г., а письмо от 20 июня из Санкт-Петербурга – 1824 г.

управляющим на расположенном в том же северном уезде Николае-Павдинском железоделательном заводе. Вскоре, послужив еще на двух заводах, он надолго осел на Каменском заводе в должности его управителя, которую в 1813 г. сменил на аналогичную на Воткинском заводе. В 1820 г. он был назначен управляющим одного из крупнейших на Урале казенного Гороблагодатского округа [8].

Перипетии судьбы его корреспондента после отъезда с Урала осенью 1823 г. нашли освещение в публикации «Горного журнала» 1894 г. под названием «Владимир Юрьевич Соймонов», знакомившей читателей с его «бумагами» (в том числе письмами). Сенатор в 1824 г. вел оживленную переписку с российскими горными деятелями и гражданскими чиновниками. Однако в отмеченной работе Соймонов предстает больше как сановник, против которого строят козни министр финансов Е. Ф. Канкрин и директор Департамента горных и соляных дел Е. И. Мечников. Начавшись с препятствий к встрече Александра I с главой временной комиссии, интрига продолжилась во время путешествия монарха в 1824 г. по Уралу, завершилась отставкой Мечникова и предложением Соймонову написать проект учреждения особого горного генерал-губернаторства, а затем его и возглавить. Чиновные круги и лица, имеющие отношение к горнозаводскому делу Урала, внимательно следили за событиями, и, пытаясь на них повлиять в своих интересах, информировали Соймонова о малейших изменениях и подвижках [1]. Корреспонденция же В. Ю. Соймонова и Н. Р. Мамышева — деловая, она исчерпывалась производственной, технической и хозяйственной тематикой, не затрагивала подковерное соперничество «в верхах». Иногда в тексте всплывали проблемы администрирования, замечания или рассуждения двух опытных горных чинов патриотического характера или (как в последнем письме управляющего округом) о престиже горной службы.

Важность поисков золота и его обнаружения в Гороблагодатском округе

В анналы мировой геологии Н. Р. Мамышев вошел как «первооткрыватель» платины в России. Факт, также присутствующий в литературе, о его заслугах в нахождении на территории Гороблагодатского округа россыпного золота (иные авторы уточняют — первой россыпи на западном склоне Урала) остается несколько в тени [4, с. 7, 131]. Сам он об изысканиях драгоценного металла рассказал В. Ю. Соймонову в письме от 14 ноября 1824 г.: «Я приступил к отысканию песчаного золота в 1821 году, прежде невянцов и тагильцов; хлопот было весьма много; зато и радости теперь много». Поддержки от начальства первопроходец не ощущал, напротив, «из Петербурга стращали» его «напрасной потерей трудов». «Но я отвечал, — продолжал управляющий, — что при всяком деле нужно постоянство; а при открытии здесь золота нужно даже упрямство, которым Бог меня с рождения достаточно наградил;

и, как изволите, Ваше превосходительство, знать, оно увенчано теперь блистательными успехами» [9, л. 12 об.—13].

На страницах «Горного журнала» в 1826 г. Мамышев изложил историю открытия в Гороблагодатском округе месторождений драгоценного металла более пространно. «Еще с самого начала вступления моего в управление теми заводами, — писал он, — я подозревал, что округ их не чужд золотого богатства. В этом уверяло меня сходство горных пород оного с такими же Березовских золотых промыслов. И действительно, в последствии времени, а именно в 1821 году, командированные мною за поисками золота господа офицеры его открыли. Потом открытия свои, умножая со дня на день более и более, сделали их довольно значительными». Управляющий подчеркнул значение новых запасов минерального сырья, в том числе для пересмотра старых представлений о геологическом устройстве Урала: «Сие открытие золота в оных местах было первое, и сделано было вопреки общему мнению, что округ Гороблагодатских заводов не может содержать золота». По его мнению, это событие стало судьбоносным для целого региона, и, можно сказать, предтечей комиссии Соймонова. «Оно (удалая всякое самолюбие), кажется, решило всех прочих гг. горных начальников и заводчиков искать золото, — сообщал управляющий, — ибо до открытия его в Гороблагодатском округе, совсем чуждом, по общему мнению, золота, добывали оное из песков только в Екатеринбургском округе и Верхисетских заводах А. И. Яковлева. Все прочие начали искать сего металла уже по отыскании его в Гороблагодатских» [10, с. 176].

Из переписки, однако, следует, что в поиски включились не все горные начальники. Соймонов, вероятно, продолжая давнее обсуждение, 29 октября 1824 г. писал: «Впрочем, я совершенно разделяю неудовольствие Ваше, происходящее от уверенности существования золота и в северном Урале, вопреки кликам и разглашениям антагонистов и домоседов» [11, л. 3]. Отвечая 14 ноября, Мамышев сообщил новость о том, что «в Богословских заводах золотопромышленность остановилась» и разъяснил причины: «...в весьма многих местах открыто золото, но по бедности своей не стоит обработки; а богатейшего искать перестали, отзываясь, что золото для тех заводов есть побочное дело» [9, л. 12 об.—13]. Последнее замечание гораздо больше касалось Гороблагодатского округа (головного предприятия артиллерийской промышленности Российской империи): его управляющий любые обращения мог парировать тем, что в первую очередь должен выполнять военные заказы. Однако Мамышев считал такую позицию неприемлемой для себя как государственного служащего и разделял позицию Соймонова, высказанную 7 января 1825 г.: «Остается пожалеть, что соседи Ваши северные, не с равной Вашей настойчивостью и рвением, занимаются поисками благородных металлов. Без сомнения наступит когда-нибудь время и их пробуждения. Пожелаем только, для пользы отечества, чтоб сонливая бездельность пробудилась как можно ранее» [11, л. 5]. Таким

образом, поиск золота воспринимался обоими корреспондентами как государственный приоритет и профессиональный долг горных офицеров перед родной страной.

Активизация геологоразведки во время работы комиссии и после нее

С приездом на Урал В. Ю. Соймонова в 1823 г. для Н. Р. Мамышева сложились более благоприятные условия по поиску золотых россыпей. Управляющий рекомендовал сенатору привлечь к работе изыскательских партий своего энергичного молодого помощника Константина Павловича Го(а)лляховского: «Воспитанник С[анкт]-Петербургского Горного кадетского корпуса, получивший при публичном экзамене за успехи в горных науках большую золотую медаль». Сотрудник журнала (с инициалами «N. N.»), видимо, учивший Го(а)лляховского, дополнил эту характеристику, упомянув, что «в бытность его в Корпусе отличался пылкими способностями и неутомимым прилежанием». О том, что горного офицера прикомандировали к комиссии, Мамышев сообщает там же: «...по отличным его геогностическим и минералогическим познаниям был употреблен в 1823 году г. сенатором Соймоновым к описанию местонахождений золота по Уральскому хребту» [10, с. 175, 177].

Письмо самого сенатора от 27 сентября 1823 г. свидетельствует, что у него на хорошо зарекомендовавшего себя служащего были далеко идущие планы. «Прошу Вас, — писал он управляющему, — поручить Го(а)лляховскому составить описание или лучше сказать, наставление для частных промышленников (так в источнике — С. Г.), каким образом отыскивать и обрабатывать пески и жилы золотосодержащие... Ежели... займется, дозволить ему приобщить к тому и проэкт инструкции для партий, то и того бы лучше» [11, л. 9]. Это распоряжение заставляет вспомнить ремарку С. Н. Кулибина из публикации «Горного журнала» 1894 г. о том, что «Инструкция горным партиям...», вероятно, писалась Соймоновым «при участии других членов комиссии» [1, с. 264; 2, с. 51]. В письме к Мамышеву разработку планируемых предписаний тот рассматривал именно как совместное с молодым офицером творчество: «Я желаю видеть мыслей его, по предметам сим с тем, чтобы ему иметь случай быть в чем либо полезным» [11, л. 9]. Формулировка «наставление для частных промышленников» могла означать, что Владимир Юрьевич собирался продолжить дело составления инструкций, поскольку опубликованный «Горным журналом» широко известный документ разрабатывался с учетом реалий казенного горного дела. После одобрения Комитетом финансов инструкция была «высочайше утверждена» 15 июля 1824 г. и опубликована под авторством Соймонова [12].

Таким образом, переписка позволяет несколько по-иному взглянуть на историю создания «Инструкции горным партиям...» и подтвердить, что работа над ней, действительно, велась коллективно (возможно, имелось несколько редакций), а замыслы главы комиссии включали и частную золотодобычу.

Инструкция высоко оценивается историками науки, в частности В. В. Тихомировым, по мнению которого она была «составлена настолько продуманно и охватывает такие детали геологических исследований, что и в наши дни ее, пожалуй, нечем дополнить» [3, с. 58].

Содержание писем также показывает стремление главы временной комиссии как можно более полно использовать потенциал ее сотрудников. По поводу дальнейших занятий Го(а)лляховского он предлагал: «По составлении же сих начертаний можно бы было ему позволить, как хочется, <нрзб> и самому; буде он предпочтет заняться приисками и разведками, <нрзб> еще удобное время». Здесь рельефно проступает свойственное Соймонову тактическое отношение к окружающим: «Я затрудились его в сем сим в чаянии, что он из за приисков своих найдет еще возможность, выполнить <нрзб>. Но ежели занятий сих обоих, то есть сочинения и приискания (так в источнике — С. Г.) не найдется возможности и ченить и изложить, в таком случае, пусть лучше займется уже последним, — к чему желаю ему от искренности всего успеха». Однако этого ему показалось недостаточно и он прибавил: «Повторно: что сочинение, предлагаемое г. Го(а)лляховскому, несть какая либо необходимость; и почему при малейшем затруднении может свободно отказаться от онаго, не вредя себе в моем мнении» [11, л. 9].

Пожелания сенатора молодому офицеру сбылись уже в следующем году. Сообщая об обнаружении «золотистой платины», 14 ноября 1824 г. Мамышев писал: «Еще прошлого года известно мне было, что в том месте попадалась платина. Но многочисленные занятия по золотой операции лучше сие место разыскать меня не допустили. Ныне командировал я туда г. Го(а)лляховского; и так изволите видеть с щастливым успехом» [9, л. 9 об.—10]. Узнав о новой сенсационной находке, 29 октября 1824 г. Соймонов писал: «...доставлением общего хоть вида золотой вашей промышленности по мере развития оной, премного меня одолжите». Находясь тогда в Москве, он старался быть в курсе любых изменений на далеком Урале, происходивших в порученной ему императором сфере деятельности: «Я имею от вас карту Гороблагодатских заводов; а потому бы на каких и кокой прииски, не откажитесь обозначить, приурочаясь каждаго из вновь, <нрзб> по отъезде уже моем, сделанных приисков» [11, л. 6]. Мамышев охотно выполнил пожелание и даже (как у него водилось) проявил инициативу: «Для досмотрения успехов наших в сем месте имею честь приложить при сем Вашему превосходительству копию с журнала, веденного г. Го(а)лляховским». Управляющий округом также сообщил о своем новом начинании: «Я приказал г. Го(а)лляховскому составить общее описание всех сдешних золотых рудников. Когда от него получу оное, не премину тотчас представить к Вашему превосходительству» [9, л. 9 об., 13 об.]. Вероятно, с результатами ознакомился не только Соймонов, но и читатели «Горного журнала», который уже в 1827 г.

напечатал под авторством К. П. Голляховского «Геогностические замечания в округе Гороблагодатских заводов» [13]. По мнению В. В. Тихомирова, в тексте статьи чувствуется влияние упомянутой выше инструкции и «отчетливо видно ее положительное значение» [3, с. 58].

Эксперимент на Кушайском болоте

Еще одной затеей Н. Р. Мамышева, важной для разведки уральских недр, стало шурфование Кушайского болота. «Инструкция горным партиям...» после обнаружения на местности признаков наличия драгоценного металла требовала избрать «удобнейший» способ разведки и приступить к ней шурфами либо бурением. Когда золотоносные пески залегали глубоко, на обследование их «обыкновенными шурфами» уходило много времени, и «предпочтительно было употреблять в сем случае земляной бур, пробивая оным толщину всех пород и пластов до твердого их основания». Исключалось шурфование и водных объектов (рек, озер), а содержимое шпуров, пробитых буром, могло помочь выяснить, имеется ли там драгоценный металл. Для этого предлагалось использовать «особенного рода земляной бур» [12, с. 33–36]. Возможно, имелся в виду изобретенный управляющим Гороблагодатского округа специальный складной бур [14, с. 74]. Испытание этого инструмента на болоте упоминается в его письмах Соймонову дважды.

15 февраля 1824 г. Мамышев оповещал сенатора о препятствиях на своем пути: «В Кушайском болоте пробурено до 5-ти сажен глубины (сажень 2,13 м. — *С. Г.*). Под торфом оказалось жидкий синий ил. Чем глубже опускались, тем вязчее и плотнее он становился. Сие весьма затрудняет бурение: ибо ил облипает около стержня бура и до того его стесняет, что при поворотах нередко сламывается верхнее колесо». Однако неудача не остановила изобретателя: «...я решился преследовать его до последней невозможности», — заявил он коллеге [9, л. 2].

Через год в письме от 5 февраля 1825 г. управляющий подвел итог своих экспериментов, упомянув их практическую цель. «Кушайское болото, в котором начал я ширфование производить еще прошлую зимою складным буром, желая испытать чем оно наполнено, и нет ли на дне хотя оно золотоносной розсыпи, — сообщал он, — пройдено ныне до 17-ти саженной глубины». По его мнению, достижение этой отметки указывало на сильные стороны предложенного им инструмента: «Такого глубокого ширфования складным буром, кажется, никто еще не производил. Вертикальный «разрез» болота на такую глубину оказался обычным. «Под торфом и черноземом, составляющими поверхностный слой около сажени глубины», был «встречен вязкой слой зеленого ила, которой продолжался около 16-ти сажен глубины, делался тем плотнее, чем глубже». Дальнейшее шурфование привело к закономерной развязке: «Наконец бур изломался. Пятнадцать сажен его осталось в трубе». Однако положение удалось исправить: бур,

«хотя с немалым трудом» вынули и «увидели, что он дошел до слоя хряща, в котором бурование гораздо неудобно» [9, л. 24 об.—25 об.].

Николай Родионович не описал придуманное им оборудование, однако понятно, что оно предназначалось для вращательного бурения с использованием трубы (вероятно, прообраза «обсадной трубы»). Поломку он воспринял как промежуточный, хотя и неутешительный, результат и «приказал, исправя бур, непременно его продолжить и вынятые небольшие пробы промыть, не содержат ли они благородных металлов». Вероятно, о многих таких «напрасно» потерянных трудах вспоминал управляющий, когда писал Соймонову про историю открытия в своем округе золота. Однако заключительная фраза письма свидетельствует, что им двигал и научный интерес, придающий зондажу Кушайского болота ценность: «Ежели я сим упрямым опытом и ничего не получу, то все-таки он будет весьма полезен вообще для геогнозии и особенно для местной по сдешней округе» [9, л. 25 об.—26].

«Многочисленные исследования, организованные с целью поиска и разведок минерального сырья, — вторя управляющему, писал В. В. Тихомиров, — сыграли выдающуюся роль в изучении геологического строения важнейших в промышленном отношении областей нашей страны и способствовали прогрессу геологической теории» [3, с. 72]. Постоянные усилия Н. Р. Мамышева в этом направлении привели к тому, что в геологическом отношении вверенный ему округ был изучен намного лучше других. Заданная им высокая планка сохранялась и в 1834 г., когда Департамент горных и соляных дел вновь ставил в пример остальным его округ: «Все же более нас радует то, что в Гороблагодатских заводах начали уже помышлять о составлении их петрографических карт, к чему бы пора приступить и по другим округам» [15, с. 218].

Эксплуатация месторождений золота

Широкая постановка поисково-разведочных работ, заслуживавшая внимание сама по себе, все-таки имела целью увеличение добычи золота. Поэтому переписка двух горных деятелей постоянно возвращалась к этой теме. Мамышев, как следует из текстов его писем, периодически прикладывал к своим посланиям отчетность по извлеченному из песков благородному металлу, сообщал о том, насколько богатыми оказались разрабатываемые россыпи. 15 февраля 1824 г. он писал о Крестовоздвиженском руднике: «Золото все весьма крупное. Некоторые промывальщики сдавали оно в смену с одного важгерта (простейший золотопромывочный прибор. — *С. Г.*) более 2-х золотников» [9, л. 1 об.]. 14 ноября того же года, описывая залежь золотистой платины, он указывал: «В тех местах, где слой богаче, золото крупное... почти около 1/3 части выбирается его простыми руками, а с платиною оно не только крупнозернисто, но даже можно сказать кусковато. Много попадаетея самородок от золотника и более; нашли самородку в 12,5 золотника».

«Из прилагаемой при сем ведомости, — продолжал управляющий, — Ваше превосходит[ельство] изволите усмотреть, сколько в какое время из сего рудника получено золотистой платины и куда оное отослано. Причем, конечно, изволите заметить, что ныне добыча гораздо противу летнего умалилась» [9, л. 4–4 об.].

Темпам добычи россыпного золота была присуща сезонность, а именно: снижение с наступлением зимнего времени. Условия и тонкости организации эксплуатации месторождений в этот период регулярно обсуждались в письмах. Сразу после отъезда с Урала, 12 ноября 1823 г. снисходительный В. Ю. Соймонов писал, имея в виду неблагоприятные климатические условия Гороблагодатского округа: «Почитать справедливым буду, если жестокость зимы не позволит вам выполнить предположения вашего относительно золота. <...> Следовательно, как полученные 100 пуд (16,38 кг. — С. Г.) могут встретить не только затруднение, но и самую, может быть невозможность» [11, л. 2].

Однако даже в тяжелых условиях в округе умудрялись не останавливать работы полностью. В феврале 1824 г. люди, «командированные» на Антониевский рудник, были заняты «только добычею песка, проводом канала и шурфованиями». По этому поводу Мамышев сетовал: «К сожалению моему не могу я учредить теперь промывальни золото», поскольку «там вся вода вымерзла». На Крестовоздвиженском руднике ему удалось не только «заложить приготовительные работы для летней добычи золотоносного песка и вымывки золота», но и «при благоприятствующей ныне умеренно-холодной зимней погоде» организовать весьма результативную промывку. «При сих работах, — сообщал он, — в течении прошедшей седмицы получено золота более полуторных фунтов; а всего с начала сих работ вымыто онаго 1 фунт 65 золотников». Обнаружив, что такой эффект дали 15 важгердов («никогда более... в действии не было на одну смену»), он решил «распространить работы» и «прибавлять промывальщиков, дабы всевозмещенным образом пользоваться временем для добычи золота». «Надеюсь с первой недели поста получать много больше противу нынешняго, хотя и добыча и промывка все еще не могут быть произведены ныне с такой аккуратностию, как летом», — заявлял он Соймонову [9, л. 1 об.–2]. Выход из положения управляющий видел в устройстве «небольших теплых промывален».

Правильную разработку (в том числе в зимнее время) некоторых россыпей затрудняли и гидрографические условия. Мамышев сокрушался, что в Царево-Александровском руднике «самой богатейший слой мало промывали; ибо он много затопляется водою, которую не всегда откачивать успеваем». Наверстать упущенное он планировал в более благоприятный климатический сезон: «К вознаграждению сего много заготавливается песков не так богатых для будущей летней промывки, которую в теплые дни будем производить под открытым небом малолетами» [9, л. 5].

Отношение к подчиненным

Несмотря на толерантность В. Ю. Соймонова, он сам и Н. Р. Мамышев в отношении находящихся под их руководством служащих придерживались патерналистских установок, в которых представление о начальнике не ограничивалось занятием им более высокого поста, а связывалось с понятиями покровителя, «отца», обязанного заботиться о благосостоянии и поведении подчиненных и несущего за них моральную ответственность. Подпитывались они как лучшими армейскими порядками, поскольку горное ведомство было военизировано, так и со стороны казенной промышленности, имевшей устойчивые патерналистские традиции [16, с. 95]. Их суть ярко выражена в обращении сенатора к управляющему Гороблагодатским округом по поводу «молодого Орлова»: «Тщусь просить Вас о внимании Вашем к служащему под начальством Вашим...». Причем Соймонов четко обозначил ролевые функции того и другого: «В том предположении, что он заслуживает вполне расположение Ваше, как исправный чиновник внимательного начальника». Младший, опекаемый, в расчете на попечительство со стороны вышестоящих также имел определенные обязательства: должен быть «исправным чиновником». Примечательно что вкладывал Владимир Юрьевич в характеристику «внимательный начальник», которой, по его мнению, полностью соответствовал его корреспондент. «Я удостоверился опытом, сколь много Вы хлопчете о образовании подчиненных Ваших, и сколь много желаете открыть им дорогу по службе, — писал он, — а потому не исключите, конечно, из справедливого покровительства вашего сего молодого офицера» [11, л. 7].

Несомненно, бенефициаром развернувшихся в округе геологических разведок стал К. П. Голляховский. Мамышев помог ему получить чин гиттенфервальтера, стать управителем Нижнетуринаского завода и «поручил... важнейшие части горнозаводского производства» — золотоносные и платиновые россыпи. Однако в письмах обсуждались вопросы продвижения по службе и поощрения других участников горных партий. 29 октября 1824 г., практически через год после окончания работы комиссии, Соймонов обещал управляющему, что Голляховский «и прочии... в непродолжительном времени получат... награду за труды свои» [11, л. 6]. В ответном письме вместе с учтивым выражением признательности Мамышев добавил комментарий о важности подобных стимулов для служащих (опять-таки с учетом патерналистских чаяний): «Всепокорнейше Ваше превосходительство благодарю от имени всех сдешних офицеров за Ваше предстательство о них пред вышним начальством и обещающую им награду. Они было совершенно отчаялись в оной. Думали, что лесные труды их никем увидены не будут. Но теперь уверятся, что не только Бог, но и попечительное начальство всегда и везде их увидеть и достойно награждать готовы» [9, л. 14–14 об.]. В этом слышны отголоски вояжа императора в начале осени по горным округам Урала: знаки отличия, прежде всего на золотых

промыслах Златоустовского и Екатеринбургского округов, сыпались на горных служащих и, естественно, слухи об этом достигали далекой северной Кушвы (центра Гороблагодатского округа), куда венценосный путешественник не добрался. Бонусы же членам поисковых партий полагались значительные: каждому работнику от 25 до 100 руб., штейгеру – в 2–3 раза больше, офицеру – вообще «по особому усмотрению» [4, с. 151].

Тогда же управляющий доложил сенатору, что Орлова и еще одного своего подчиненного Гоглачева представил к производству в очередной чин. К судьбе первого он вернется в письме от 19 февраля 1825 г., когда выяснится, что тот еще не имел офицерского звания. «Вместе с другими в общем представлении, не мог я отметить его потому, что он был тогда унтершхтмейстером 3-го класса, – сообщал Мамышев. – Я поспешил его произвесть в 1-й класс и тотчас представил особенно». Управитель округа оправдывался перед Соймоновым за человека, даже не имевшего классного чина (унтершхтмейстеры относились к «нижним горным чинам»): «Меня уведомили также, что Ваше превосходительство огорчаесть на меня за то, что якобы я не представил Орлова к повышению чином. Сим имею честь уверять Ваше превосходительство, что я давно его ко всему представил. <...> Винюсь в своей забывчивости о его классе. Но не знаю, как можно остаться в забвении моему представлению в Департаменте» [9, л. 30–30 об.].

В 1826 г. заступаться за подчиненных (теперь уже бывших, поскольку он ушел в отставку) Мамышеву пришлось довольно необычным образом – на страницах ведомственного журнала. Его возмутила высказанная в периодике позиция минералога-иностранца (имя которого не названо), позволившего усомниться в знании управителем Нижнетуринаского завода (им являлся К. П. Голляховский) и его служащими свойств алмазов. Ситуация оказалась щекотливой: Николай Родионович «весьма почитал... благонамеренные труды» зарубежного специалиста, однако полагал, что в «подобных делах всего более уважать следует истину». Поэтому он обратился в редакцию «Горного журнала», которая согласилась с тем, что публично поставленная под сомнение эрудиция российских горных офицеров требует аналогичной (печатной) формы опровержения. В результате появилась заметка «Извлечение из письма одного путешественника» [10], в которой Мамышев тщательно препарировал перепечатанный текст иностранца, применив то, что современные литературоведы называют «конфронтационной полемической стратегией» [17, с. 83]. Она реализовывалась в «пошаговом» комментарии к тексту, позволявшем акцентировать его наиболее одиозные стороны, за счет развертывания отдельных фрагментов выделять его неудачные места и, таким образом, укрупнять ошибки автора [18, с. 236]. Выявив противоречивые суждения и неточности, Николай Родионович в то же время высоко оценил профессиональные качества Голляховского

и согласился с оппонентом в том, что на Урале следует искать алмазы (что вскоре и нашло подтверждение). Но этот разбор ценен не только предсказаниями, а тем, что стал первой попыткой использовать «Горный журнал» для проявления корпоративной солидарности. Деятельный (хотя уже и отставной) обер-бергмейстер, оценив возможности только что появившегося периодического издания, решил сделать орган ведомственной печати рупором консолидированного мнения отечественной горной корпорации.

Честь горной корпорации

Возможно, озабоченность поддержанием чести горных специалистов Н. Р. Мамышева заставили личные обстоятельства. Его письмо Соймонову от 27 февраля 1825 г. начиналось весьма темпераментно: «Беды в мори, беды в горах, беды в вертепах... говорит святой Наставник. Много. Много бед для нас бедных везде; но и Он даже не мог провидеть, чтобы были беды для нас еще и в журналах; а особливо для меня, и без того самого страдательного члена физического и морального мира» [9, л. 32]. Это была горькая реакция на дошедший до Кушвы свежий номер «Отечественных записок» П. П. Свинына с редакторской статьей «Картина золотопесчаных промыслов в уральских горах. 1824 года» [19]. Николай Родионович негодовал: «...г. Свинын за все доброе (так в источнике. – С. Г.) мне, грянул на меня своим чернильным перуном». «Не знаю, что я ему сделал противного, – сокрушался он коварству столичного издателя. – Я старался выполнить все его желания, даже написал по просьбе его большую статью для его журнала о Гороблагодатских заводах» [9, л. 32]. Остальной текст выдержан в подобном духе и не проясняет претензии управляющего, впрочем, известные по другим источникам.

Предыстория эмоциональной вспышки Мамышева начинается с поездки Свинына на Урал. В 1824 г. незадолго до путешествия Александра I в «азиатские пределы» империи он отправился по тому же маршруту, но сумел объехать более значительное пространство, добрался до Гороблагодатского округа и был гостем его управляющего. В письме от 14 ноября 1824 г. Мамышев пересылал Соймонову «краткую записку», сделанную для Свинына, которому министр финансов поручил составить «Топографию Уральских заводов», а горным чиновникам «велено было... доставить всякие по его требованию сведения» [9, л. 13 об.–14].

По обыкновению того времени имя Мамышева в статье Свинына не упоминалось, но он себя узнал и вспомнил неосторожные слова, оброненные им в разговоре с приезжим, расспрашивавшим местных специалистов о золотых самородках. Описывая их виды, управляющий округом упомянул образцы самородного золота оплавленной формы, и, в связи с этим (поскольку золото и платина встречались на Урале вместе), – опыт Гемфри Деви с воспламенением порошковой платины от кислорода и даже простого

атмосферного воздуха. По мнению Мамышева, автор вырвал его слова из контекста и свел весь разговор к одному высказанному им предположению. Свиныин интерпретировал услышанное так: «Не менее разнообразны суждения минерологов о химическом образовании самородок. Иные высжиживают их под камнями, подобно яйцам, другие плавят их подземным огнем. Сие последнее основывает некто один из весьма опытных горных чиновников Сибири на новейшем открытии славного Деви, доказавшего, что платина, превращенная в пыль, имеет свойство воспламеняться от водородного газа, а как вместе с золотом, находимым в песках уральских, попадается во многих местах и платина... то и полагает, что воспламенение могло произойти от атмосферного воздуха, проникнувшего в золотую жилу». Далее автор текста не удержался от оценки: «Мысль, может быть, более смелая, чем основательная!» [19, с. 6–7].

Можно не сомневаться, что Соймонов в данном случае всецело был на стороне управляющего округом, поскольку еще в письме от 7 января 1825 г., будто предчувствуя коллизию со Свиныным, поделился со своим проверенным союзником размышлением: «Есть ли предосудительна опрометчивость, то не более ли еще того робость! Бояться толков, успехов и прочее и проч. — не значит ли оставаться навсегда прикованным к одному месту» [11, л. 5–5 об.]. Однако, по мнению самого Мамышева, ситуация осложнялась тем, что издатель «Отечественных записок» опорочил не только его. Обращаясь к Соймонову, он прибавлял: «...честь горной службы, столько вами любимой, особливо честь сдешних служащих, так корикатурно г. Свиныным выставленных, решили меня дать ему отпор». Представляя (будучи литератором) лучше других издержки лживого печатного слова для профессиональной репутации, он обещал расквитаться с клеветником. «Карл XII при объявлении ему войны трех сильных держав сказал, что никогда не начнет войны несправедливой, но объявленную ему всегда будет продолжать с решительным постоянством на погибель объявителя. Это и мой девиз», — восклицал управляющий [9, л. 32 об.–33]. Со стороны Николая Родионовича это были не пустые угрозы. Если в противостоянии с иностранным минералогом на страницах «Горного журнала» он выступал против профессионала, то здесь его врагом стал опытный сочинитель, а именно приемы литературной критики служили тогда образцом словопрепия. Мамышеву подобные способы влияния на общественное мнение также были не чужды (в качестве примера можно привести дебаты 1809 г. на страницах «Вестника Европы» с неким «Б. В. Ш.», назвавшим лживым опубликованный им необыкновенный способ ловли водоплавающих птиц аборигенами Камчатки [20]), преимуществом же оставался его профессионализм с изначально экспертной позицией в отношении Свинына, не имеющего соответствующего образования и опыта. «Ежели захочет продолжать чернильну полемику, — заявлял уральский управленец, — готов отражать все его нападки,

ежели они будут относиться до нашей службы, которую, кажется, я довольно уже знаю, чтобы вступаться за нее и воевать с сим чуже-знайкою». Выступая от лица горной корпорации — комьюнити людей, связанных опытом работы в горнозаводской промышленности, — обер-бергмейстер в выявлении инсинуаций противника и демонстрации поверхностности его суждений собирался идти до конца. «Никогда не начну разговора, — заявлял он, — но ежели же кто начнет ее со мною, не отстану до тех пор, пока не пренужу молчать <...> Ежели он замолчит, замолчу и я...» [9, л. 32 об.–33].

Заключение

Из переписки В. Ю. Соймонова и Н. Р. Мамышева следует, что «Временная Екатеринбургская горная комиссия» аккумулировала процессы, уже шедшие в золотодобывающей отрасли Урала, систематизировала и масштабировала их и придала им мощный импульс. Административные меры привели к активизации геологоразведочных работ. На примере Гороблагодатского округа видно, что поисковые партии не только обследовали его территорию с целью обнаружить месторождения, но и разведывали недра эксклюзивным для того времени способом глубокого бурения. Результатом (в том числе организационных усилий по разработке россыпей в зимнее время) стал рост объемов добычи драгоценного металла. Причиной и следствием подобной деятельности явилось накопление знаний, наблюдений, предположений, гипотез о геологическом строении Уральских гор. В их осмыслении деятели горного дела высокого ранга находились «на переднем крае» науки. Брожение в умах самих «горных людей» в эти годы фактурно обрисовано известным российским минералогом Д. И. Соколовым на страницах «Горного журнала» [21, с. 3–5]. Оспаривание авторитета (своего и ближайших сотрудников) в профессиональной сфере воспринимались управляющим Гороблагодатским округом как серьезный вызов. Тем более что некомпетентность журналистов и пристрастность иностранцев вводили в заблуждение российского и зарубежного читателя. Свойственное ему, по выражению Соймонова, «душевное стремление быть полезным отечеству» проявлялось и в незаурядном полемическом темпераменте. Отстаивание Мамышевым своих взглядов оказалось связано с ключевыми темами петрологии и литологии того времени, прежде всего с научным пониманием золотосодержимости и алмазосодержимости. Этому горному администратору было безразлично, в какой мере формирующиеся представления об устройстве и богатстве минерально-сырьевой базы Урала подвергаются оспариванию и как используются его оппонентами. Участие в дискуссиях способствовало консолидации горной корпорации, членом которой он и Соймонов себя ощущали. Другим важным способом сплочения этого профессионального сообщества, ответственного за важные области тяжелой и добывающей промышленности, выступал патернализм.

Библиографический список

- Кулибин С. Владимир Юрьевич Соимонов // Горный журнал. 1894. № 2. С. 262–266.
- Шилов А. В. Временная Екатеринбургская горная комиссия 1823 г. и становление уральской золотопромышленности // Вопросы истории Урала. Вып. 16: Генезис и развитие капиталистических отношений на Урале. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1980. С. 48–54.
- Тихомиров В. В. Практическая геология в России в начале XIX в. // Очерки по истории геологических знаний. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. Вып. 1. С. 36–76.
- Данилевский В. В. Русское золото. История открытия и добычи до середины XIX в. – М.: Metallurgizdat, 1959. – 380 с.
- Морозов А. Ф., Черкасова Т. В., Межеловский Н. В., Гусев Г. С., Килипко В. А. Российская геологическая картография: прошлое, настоящее, будущее // Разведка и охрана недр. 2007. № 2–3. С. 15–25.
- Рукоусев Е. Ю., Курлаев Е. А., Шумкин Г. Н. Горнозаводская промышленность Урала в XVIII – начале XX в.: драгоценные металлы. – Екатеринбург: УрО РАН, 2020. – 320 с.
- Каменская О. Ю. Особенности становления и развития геологии как научной отрасли знания в России XIX столетия // Вестник МГПУ. Серия: исторические науки. 2020. № 1(37). С. 27–31.
- Микитюк В. П. Мамышев Николай Родионович // Инженеры Урала: энциклопедия. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2001. С. 344.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 345. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–33.
- Извлечение из письма одного путешественника, писанного им с Уральских гор к ректору Дерптского университета, статскому советнику Эверсу; с замечаниями бывшего начальника Гороблагодатских заводов г. Мамышева // Горный журнал. 1826. № 11. С. 171–177.
- ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–10 об.
- Инструкция горным партиям для геогностического описания хребта Уральского и для приискания руд и золотосодержащих россыпей // Горный журнал. 1829. № 4. С. 1–43.
- Галляховский. Геогностические замечания в округе Гороблагодатских заводов // Горный журнал. 1827. № 10. С. 25–49; № 11. С. 23–41.
- Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII – начала XX в.: биографический справочник. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1981. – 224 с.
- Тихомиров В. В. Новые данные об организации геологического картирования в России // Очерки по истории геологических знаний. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Вып. 4. С. 215–225.
- Железкин В. Г. Патернализм в государственной горнозаводской промышленности Урала в XIX в. // Metallургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период: сб. науч. тр. – Екатеринбург: Наука, 1992. С. 95–101.
- Прохорова И. Е. В. Г. Белинский vs С. П. Шевырев: реализация конфронтационной стратегии в журнальной полемике (1836 год) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 2. С. 68–83.
- Печерская Т. И. Пересказ текста как инструмент интерпретации: из истории полемики «Современника» и «Русского слова» // Карабиха: историко-литературный сборник. – Ярославль: Академия 76, 2016. № 9(9). С. 235–250.
- Свиньин П. П. Картина золотопесчаных промыслов в уральских горах. 1824 года // Отечественные записки. 1825. Ч. XXI. № 57. С. 3–28.
- Мамышев Н. [Р.] Ответ г-ну Б. В. Ш. // Вестник Европы. 1809. Ч. XLVIII. № 22. С. 154–155.
- Соколов. Мысли об Уральских золотосодержащих россыпях // Горный журнал. 1826. № 12. С. 3–54.

«GORNYI ZHURNAL», 2025, № 7, pp. 95–104
DOI: 10.17580/gzh.2025.07.13

V. Yu. Soimonov and N. R. Mamyshev correspondence (1823–1825) in the context of topical issues of mining industry development in Russia

Information about author

S. V. Golikova¹, Leading Researcher, Doctor of Historical Sciences, avokilog@mail.ru

¹Institute of History and Archeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Abstract

The article reviews the correspondence between the notable figures in mining art—Senator and Mine Inspector of the Moscow Mine Directorate V. Yu. Soimonov and Governor of the Blagodat Mountain Mining District, Oberbergmeister N. R. Mamyshev in the period from 1823 to 1825. The correspondence followed their cooperation at the Interim Yekaterinburg Mining Committee which accumulated actual processes in the mining industry in the Ural, systematized them, scaled up and gave a powerful impetus. The administrative measures promoted in the first turn activation of geological exploration works. A case-study of the Blagodat Mountain Mining District shows that expeditionary parties not only studied areas with a view to discovering gold deposits but also explored the subsoil using a deep drilling method, novel at that time. The result (including efforts aimed at organization of the precious metal placer mining in the winter period) was the increment in gold production. The cause-and-effect of such activities was accumulation of observations, suppositions and hypotheses on geological structure of the Ural Mountains. Administrative high-ranks participated in discussions aimed to promote elaboration of a new knowledge on the structure and wealth of mineral resources in the Ural. The scope of the discussions encompassed the key issues of the contemporary petrology and lithology, and, first of all, understanding of gold and diamond content of the area. Mining practitioners carried their points which encouraged consolidation of a mining corporation. Paternalism was another

way of welding the professional community responsible for the critical basic and mining industries, which V. Yu. Soimonov and N. R. Mamyshev believed to belong.

Keywords: Ural, 1823–1825, V. Yu. Soimonov, N. R. Mamyshev, epistolary heritage, gold mining industry, mining corporation.

References

- Kulibin S. Vladimir Yu. Soimonov. *Gornyi Zhurnal*. 1894. No. 2. pp. 262–266.
- Shilov A. V. The Interim Yekaterinburg Mining Committee of 1823 and development of the Ural gold industry. Issues of History of the Ural. Issue 16: Genesis and Development of Market Relations in the Ural. Sverdlovsk: Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 1980. pp. 48–54.
- Tikhomirov V. V. Applied geology in Russia in the early 19th century. Essays on History of Geological Knowledge. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1953. Vol. 1. pp. 36–76.
- Danilevskiy V. V. Russian Gold. History of Discovery and Exploration until the Middle of XIX Century). Moscow: Metallurgizdat, 1959. 380 p.
- Morozov A. F., Cherkasova T. V., Mezhelovskiy N. V., Gusev G. S., Kilipko V. A. Russian geological cartography: The Past, the present and the future. *Razvedka i okhrana nedr*. 2007. No. 2–3. pp. 15–25.
- Rukosuev E. Yu., Kurlaev E. A., Shumkin G. N. Mining Works in the Ural in the 18th–early 20th Centuries: Noble Metals. Yekaterinburg: UrO RAN, 2020. 320 p.
- Kamenskaya O. Yu. Features of formation and development of geology as a scientific branch of knowledge in Russia of the 19th century. *Vestnik MGPU. Seriya: istoricheskie nauki*. 2020. No. 1(37). pp. 27–31.
- Mikityuk V. P. Nikolai R. Mamyshev. Engineers of the Ural: Encyclopedia. Yekaterinburg: Uralskiy rabochiy, 2001. p. 344.
- State Archive of the Sverdlovsk region. Fund 345. Inventory 1. File 6. List 1–33.
- Extract of a traveller's letter written from the Ural Mountains to the President of the Universität Dorpat, State Counsellor Evers, with comments of the Principal of the Blagodat Mountain Works Mr Mamyshev. *Gornyi Zhurnal*. 1826. No. 11. pp. 171–177.

11. State Archive of the Sverdlovsk region. Fund 345. Inventory 1. File 15. List 1–10 overleaf.
12. Expeditionary party guidelines on the Ural Ridge geognosy and ore and placer gold prospecting. *Gornyi Zhurnal*. 1829. No. 4. pp. 1–43.
13. Gallyakhovskiy. Comments on geognosy in the area of the Blagodat Mountain works. *Gornyi Zhurnal*. 1827. No. 10. pp. 25–49; No. 11. pp. 23–41.
14. Kozlov A. G. Creators of Science and Technology in the Ural in the 17th–early 20th Centuries: Bibliography. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo, 1981. 224 p.
15. Tikhomirov V. V. Newcomer on organization of geological mapping in Russia. Essays on History of Geological Knowledge. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1955. Vol. 4. pp. 215–225.
16. Zhelezkin V. G. Paternalism in the government-owned mining industry in the Ural in the 19th century. Metallurgical Works and Peasantry: Problems of Social Organization of

- Industry in Russia and Sweden in Early Industrial Period: Collection of Scientific Papers. Yekaterinburg: Nauka, 1992. pp. 95–101.
17. Prokhorova I. E. Belinsky vs Shevyrev: Implementation of confrontation strategy in magazine polemic of 1836. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2012. No. 2. pp. 68–83.
18. Pecherskaya T. I. Retelling as a tool of interpretation: History of debates between *Sovremennik* and *Russkoe Slovo. Karabikha: Historical Literature Volume*. Yaroslavl: Akademiya 76, 2016. No. 9(9). pp. 235–250.
19. Svinin P. P. Picture of gold sand digging in the Ural Mountains, 1824. *Otechestvennye zapiski*. 1825. No. 57, Iss. XXI. pp. 3–28.
20. Mamyshev N. [R.] Reply to Mr B. V. Sh. *Vestnik Evropy*. 1809. No. 22, Iss. XLVIII. pp. 154–155.
21. Sokolov. Thoughts on the Ural gold placers. *Gornyi Zhurnal*. 1826. No. 12. pp. 3–54.

УДК 622(051)

«ГОРНЫЙ ЖУРНАЛ» В 1826–1828 гг.: ИТОГИ ПЕРВОГО ТРЕХЛЕТИЯ

Е. Г. НЕКЛЮДОВ,

главный научный сотрудник,
д-р ист. наук, ntplant9@mail.ru

Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

После открытия 21 марта 1825 г.¹ Ученого комитета по горной и соляной части в статусе редакции «Горного журнала» было принято решение ежегодно организовывать по этому поводу торжественное собрание. Первое такое мероприятие провели через год, подводя успешные итоги первого полугодия издания журнала [1]. Сложившийся порядок заседания включал приветственную речь председателя, отчет секретаря о работе Комитета и о занятиях «горных обществ» за истекший год, а также публичное слушание тематических «сочинений», или «любопытных статей», специально подготовленных несколькими членами Комитета. Этот порядок воспроизводился впоследствии на трех последующих собраниях 21 марта 1827 г., 29 апреля 1828 г. и 31 марта 1829 г., материалы которых публиковались в «Горном журнале». Это дает основание для всестороннего анализа итогов работы редакции за 1826–1828 годы издания.

«...Мы неленостно трудились на подлежащем нам поприще»

На собраниях, проходивших в Горном кадетском корпусе (ныне – Санкт-Петербургский горный университет

Выполнен анализ материалов трех торжественных собраний Ученого комитета по горной и соляной части в 1827, 1828 и 1829 гг., на которых подводились итоги работы редакции и издательства «Горного журнала» за истекший год. Представлены содержание выступлений председателя Комитета Е. В. Карнеева, изменения в составе участников, количественные показатели работы редакции, экспертная деятельность Комитета и занятия местных «горных обществ». Названы наиболее ценные публикации журнала и их авторы за три отчетных года.

Ключевые слова: «Горный журнал», Ученый комитет, 1826–1828 гг., Е. В. Карнеев, горные инженеры, горные общества
DOI: 10.17580/gzh.2025.07.14

императрицы Екатерины II), кроме самих членов Комитета, принимали участие «многие почтенные любители наук и отечественного просвещения», а первые два заседания «удостоил своим посещением» министр финансов Е. Ф. Канкрин, один из инициаторов основания журнала.

На первом собрании председатель Комитета, директор Департамента горных и соляных дел Е. В. Карнеев, подчеркнул, что Комитет уже со второго года работы фактически вышел за пределы своей главной обязанности – издания «Горного журнала» и выступил в качестве эксперта по многим вопросам развития горнозаводской промышленности. «Критическому разбору Комитета представлено было достаточное число сочинений и переводов, поступивших более, нежели от пятидесяти лиц из числа ревностных наших сподвижников», – докладывал он. Но в то же время «немало полезных предположений, немало предприятий и изобретений, угодно было высшему Начальству подвергнуть суждению Комитета. Самый

¹ Здесь и далее даты указаны по старому стилю.

© Неклюдов Е. Г., 2025